

ная Караганда
Город и театр

С чего начинается театр?

Наверное, многие ставят крылатой фразой: театр начинается с вешалки. Это действительно так, но только для зрителей. На самом деле театр начинается значительно раньше, задолго до того, как человек с бидеом в кармане войдет в здание театра и подойдет к той самой вешалке. Театр начинается с репертуара. Какая это сложная работа — выбрать пьесу для постановки. Скорее самых разных условий надо учесть, прежде чем приняться за постановку нового спектакля! Пьеса должна понравиться режиссеру, авторам, нужно найти общий язык с художником и композитором, она должна соответствовать идейно-эстетическим принципам творческого коллектива. Но самое главное — новая работа должна быть принята публикой, теми, кто выносит свой последний приговор творческим усилиям всей постановочной группы.

Как угадать, вхолостую мы сработали или же зритель получит нужный ему эмоциональный заряд, ответ на вопрос, мучивший его, смогли ли мы задеть ум и чувства незнакомого но так нужного нам человека?

Можно подойти к вопросу и с другой стороны: считать ли успехом случай, когда спектакль нравится всем?

Один знаменитый режиссер говорил так: если спектакль не понравился никому из сидящих в зале — это провал; если он понравился всем — это еще не значит, что вы чего-то достигли; если же зал после спектакля разорвался пополам — вот тогда в спектакле есть как минимум рациональное зерно. Связано было это давно, времена изменились, но, думается, в данном высказывании смысл есть и сегодня.

Мне кажется, что разделение зала должно проходить не на уровне нравится — не нравится, а на более высокой, более качественном уровне приема или отвержения поднимаемых театром вопросов. Если мы, создатели сценического произведения, чувствуем в нем злободневность, актуальность темы, если мы вложили свое сердце, свои нервы, свое личностное отношение к отображаемой действительности — равнодушных в зале быть не должно!

Итак, мы начали с проблемы репертуара, но вновь пришли к проблеме зрителя. Они связаны между собой очень крепко. С одной стороны, мы обязаны определять, что именно сегодня хочет увидеть человек, пришедший в театр (правда, это не значит, что мы должны угождать Ленину говорил, что искусство должно быть немногом впереди, то есть вести за собой массы, а не потрафлять неразвитому вкусу).

Более того, часто нам необходимо убедить зрителя в том, что вопросы и проблемы, поднимаемые театром, являются насущными и жизнеотражающими, бесспорно, качественным

уровень зрительного зала нынче вырос, культура на сцене не проходит. Плохой спектакль отращивает зрителя от театра, равно как и плохая драматургия. Но, к великому сожалению, мы достаточно часто слышим, как зритель требует репертуар повеселей. Но «мастерить» комедийку легче всего. Особенно думать не надо. А вот создать комедийный спектакль, чтобы он был смешной и в то же время заставлял думать и сопереживать — очень трудно. Высшая степень проведения досуга — его разумное проведение, когда он питает ум и сердце. И наша задача, увеличивая, так сказать, коэффициент полезности воздействия театра, увеличивать и приток зрителя в наши залы.

У немецкого драматического театра свои сложности. Тут и специфика репертуарной политики, и недоукомплектованность труппы, основных цехов. Но главное — расстановка сил на фронте «сцена — публика». Сегодня у нас есть свой постоянный зрительской актив. На шестьсот—восемьсот человек погоду не делают.

Темиртауский зритель предъявляет нам свои претензии. Нам говорит: «Мы не знаем язык. Приходя к вам, мы раздвигаем вниманье, нужно смотреть на сцену и слушать синхронный перевод, то есть ухо и глаз на настроены на едичное восприятие».

Это требованье серьезное. Это можно возразить! Да, пожалуй, ничего. Вот только... Сразу согласился с тем, что мы сами далеко не все еще сделали в пропаганде нашего искусства, а реклама и прочие связанные с этим вещи. Но нельзя, одновременно говоря, скидывать со счета и определенную лассивность зрительской массы. Мы знаем множество примеров, когда зритель охотно идет на гастрольные спектакли иноязычных театров — советских и зарубежных. Спрашивается, почему? Интересно посмотреть спектакль по незнакомой пьесе незнакомое авторе, интересно столкнуться с иным способом существования и мышления на сцене, с иным театральным воспитанием. А кинофильмы с субтитрами? А зарубежные певцы? То же ведь ничего не понимаем, но идем!..

Немецкий театр родился пять лет тому назад на стыке двух культур. Многоязычная немецкая культура оказалась обогащенной высоким нравственным потенциалом театральной русской культуры, которую нас и несет старейший актерский вуз страны — училище им. Щепкина при Малом театре Союза ССР. В результате появилась любопытный коллектив — молодой перспективный, ищущий. Не хватает опыта! Да! Не всегда хватает профессионального навыка! Да! Но есть стремление стать профессионалами в самом лучшем смысле этого слова, есть дух студийности, поиска, и цели ставятся театром самые высокие. И вот любопытная вещь получается: зрители Челябинска, Омска, Свердловска, других городов чувствуют, понимают, принимают азартность труппы. Их даже неушишки не смущают! А дома мы со зрителем находимся в этики сложного-подчиненных отношениях.

Давайте представим невозможную ситуацию. Немецкая драма исчезла из Темиртау. Уверю, город потеряет очень важную часть своей культурной жизни. И в самом скором времени ощутит потерю. Каждый театральный организм единствен в своем роде. Каждая актерская индивидуальность (если, конечно, актер личность) уникальна и прелекательна. Хорошо, что у нас есть такие актеры — лидеры и творцы.

Существует, вероятно, еще один зрительский параметр. Человек пришел на неудачный спектакль. Или настроение у него было неважное. Короче, не понравилось ему. И он заранее отвергает все сделанное театром. Элементарная же логика подсказывает, что нельзя на основе частного опыта делать широкие выводы и обобщения. К театру надо привыкнуть, приучиться к нему. Театр разный. Он полифоничен весь собою из контрапунктов. Над ним витает дух крупнейших художников и великих композиторов. Театр — единственное из искусств, где материалом для творчества является сам художник — его тело, голос, его психика. В театре надо приходиться с распахнутыми глазами, с душой, готовой и открытым, потому что увиденное сегодня вы увидите только сегодня. Завтра уже будет иначе, по-другому. Как? Не знаю. Потому, что это будет завтра...

Критика на всех этапах развития театрального искусства была связующим звеном между сценической площадкой и зрительским залом. Нам трудно говорить: «Приходите к нам. У нас все спектакли хорошие». Оценивать нашу работу должны критики, активно сотрудничающий с театром, внимательно следящий за его успехами и неудачами, взлетами и падениями. Определяющий и, может быть, даже прогнозирующий тенденцию его движения. Театр всегда ждет серьезной, добросовестной, челлицеприятной критики. И зритель идет. Ему тоже надо разобраться во всех течениях извилистой театральной реки. Только тогда, когда триединство — зритель плюс театр плюс критика — будет действительно единством, мы сможем понастоящему плодотворно работать. Спорить, мучиться, ошибаться... но идти. Вперед!

...А пока вхожу в темный пустой зрительный зал. Освещена только сцена. Сейчас на нее выйдут артисты. Начнется первая репетиция нового спектакля. Каким он будет! Найдет ли отклик у зрителя?.. Как хочется, чтобы нас было много. Чтобы мы были вместе. Вместе!

В. ИОНТОВ,
главный режиссер немецкого драматического театра.